

Петрунина Ж. В., Абабков Д. Р.
Z. V. Petrunina, D. R. Ababkov

ОБРАЗ МАНЬЧЖУРИИ КОНЦА XIX СТОЛЕТИЯ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ АНГЛИЧАН И АМЕРИКАНЦЕВ

THE IMAGE OF MANCHURIA AT THE END OF THE 19th CENTURY IN THE TRAVEL NOTES OF BRITISH AND AMERICANS

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Абабков Данил Романович – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Danil R. Ababkov – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена истории складывания образа Маньчжурии в конце XIX в. Источниковой основой выступили путевые заметки британского журналиста Генри Нормана, английского исследователя и писателя Гарри де Виндта, американского предпринимателя Перри МакДонафа Коллинза. Рассмотрены оценки и основы межкультурного взаимодействия в этнически смешанных землях российско-китайского приграничья, особенности культуры, быта и национального уклада местного населения, предложенные иностранными путешественниками. Указано, что большую роль в расширении коммуникации между народами сыграла торговая деятельность. Отмечены трудности, с которыми иностранные путешественники сталкивались в путешествиях по Маньчжурии, с учётом особенностей обычаев, форм и церемоний населения, проживавшего в регионе. Подчёркивается, что тексты иностранных путешественников содержат общие характеристики совместной жизни русских и китайцев. При этом путевые заметки имели большое значение для формирования позитивного образа Маньчжурии в общественном мнении России и стран Европы.

Summary. The article is devoted to the history of Manchuria's image formation at the end of the 19th century. The sources were travel notes by British journalist Henry Norman, English explorer and writer Harry de Windt, and American entrepreneur Perry McDonough Collins. Estimates and bases of intercultural interaction in ethnically mixed lands of the Russian-Chinese borderland, features of culture, life and national way of life of the local population proposed by foreign travelers are considered. It is pointed out that trade activities played a great role in the expansion of communication between peoples. The difficulties encountered by foreign travelers in their travels in Manchuria are noted, taking into account the peculiarities of customs, forms and ceremonies of the population living in the region. It is emphasized that the texts of foreign travelers contain common characteristics of the joint life of Russians and Chinese. At the same time, the travel notes were of great importance for the formation of a positive image of Manchuria in the public opinion of Russia and European countries.

Ключевые слова: Маньчжурия, российско-китайское приграничье, межкультурный диалог, путевые заметки иностранцев.

Key words: Manchuria, Russian-Chinese borderland, intercultural dialog, travel notes of foreigners.

УДК 94

Влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стало усиливаться после присоединения территорий Маньчжурии (Приамурья и Приморья) в середине XIX в. Укрепление дальневосточных границ Российской империи сопровождалось заселением этнически смешанных земель, в

ходе которого шло активное взаимодействие разных народов. В этот период национальный состав Приамурья и юга Приморья был представлен аборигенами (орочи, нанайцы, ульчи и др.), китайцами, маньчжурами, европейскими народами, американцами, русскими. Складывающийся межкультурный диалог стал одним из способов расширения межкультурной коммуникации [8, 47].

Согласно определению отечественных лингвистов Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, межкультурная коммуникация – это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, 26]. В отечественной научной мысли сложились позиции и подходы относительно многообразия процессов, на которые оказывает влияние межкультурная коммуникация (С. Г. Тер-Минасова, И. Р. Григорова, Л. П. Репина).

Ко второй половине XIX в. выстраивание отношений между народами России и Китая находилось под влиянием представлений друг о друге, сформировавшихся в предыдущие два столетия, с учётом культурно-исторических, военно-политических и экономических факторов [9]. Часть из этих представлений базировалась на негативном опыте общения. Так, период определения русско-китайской границы в XVII в. сопровождался пограничными конфликтами, наиболее крупным из которых был Албазинский (1685–1686). Первый договор между Россией и Китаем, заключённый 27 августа (6 сентября) 1689 г. в Нерчинске, призванный урегулировать возникшие споры и противоречия, а также разрешавший взаимную торговлю между подданными обоих государств, привёл к потере русскими значительной части земель и потере судоходства по Амуру. Сложившаяся ситуация создала затруднения России в ведении торгово-экономической деятельности на берегах Охотского моря. Знаменитый американский торговый агент США на Амуре и путешественник середины XIX в. Перри МакДонаф Коллинз писал, что даже после заключения Нерчинского договора (27 августа (6 сентября) 1689 г.) российские купцы были вынуждены пользоваться обходными путями через Якутск для того, чтобы торговать в Охотске или Аяне [12, 206]. Такое положение закрепило в России настороженное восприятие жителей Поднебесной. В свою очередь, у значительной части маньчжуров заметным было недоверие к русским.

Сложные, а зачастую и конфронтационные отношения между Россией и Китаем, имевшие место в XVII – первой половине XIX вв., не смогли воспрепятствовать существовавшему диалогу между русскими и китайцами. Подданные обеих империй, оказавшиеся перед необходимостью взаимодействовать друг с другом в разных сферах, смогли не только преодолеть языковой барьер, но и, опираясь на сохранявшиеся национальные традиции, выработать механизмы, способствующие расширению диалога, сформировать основы общей бытовой культуры и нормы повседневного поведения, имевшие региональную специфику. Межкультурная коммуникация народов российско-китайского приграничья, став одной из форм «межцивилизационного контакта» [2, 152], способствовала укреплению государственных отношений в различных сферах и оказывала позитивное влияние на формирование образа «другого» в российском общественном сознании.

Начиная с XVIII в. в Российской империи постепенно стала накапливаться информация о Китае [3, 51]. Важным источником выступили публикации российских путешественников, исследователей, членов русской духовной миссии в Китае и государственных деятелей XVII – XIX вв. [3, 33-122]. Огромное значение в освещении жизни в присоединённых к России территориях сыграла периодическая печать Приамурья и Приморья, получившая развитие с середины XIX в. [5; 6; 7].

Популяризация данных о перспективах развития Дальнего Востока России способствовала привлечению в регион иностранцев [5, 11-17], путевые заметки которых повествовали об укладе и быте соседствующих русских и китайских поселенцев. Важно подчеркнуть, что Приамурье и Приморье оставались в странах Европы и США символами далёких территорий в Российской империи. Большинство иностранных путешественников не вникали в историю развития отношений народов российско-китайского приграничья, а в первую очередь подмечали удивлявшие их нюансы жизни подданных обеих империй.

Американский предприниматель Перри МакДонаф Коллинз, пересёкший Российскую империю с запада на восток в 1856–1857 гг., отметил очевидные возможности торгово-экономического развития Дальнего Востока. Представляя российским властям проекты прокладки Русско-Американского телеграфа через Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку, а

также планы строительства железной дороги из Иркутска к Амуру [4, 204], Перри МакДонаф Коллинз выделил и специфические особенности повседневной жизни и взаимодействия русских и китайцев.

Британский журналист Генри Норман, сотрудничавший с газетами «Pall Mall Gazette» и «Daily Chronicle», в конце XIX в. совершил много путешествий по разным странам. Его путевые впечатления о жизни на российском Дальнем Востоке были изданы в Нью-Йорке в 1895 г. [13] и постепенно привлекли внимание широких слоёв общества.

Английский исследователь и писатель капитан Гарри Уиллес Дарелл де Виндт опубликовал несколько книг о своих путешествиях под именем Гарри де Виндт [11]. Среди земель, в которых побывал британец в конце XIX в., были Китай и дальневосточные окраины России. Видевший многие страны мира, Гарри де Виндт отметил пёстрый состав городов Дальнего Востока, описал торговые отношения китайцев с русскими, выделил достижения китайцев в сельском хозяйстве, подчеркнул культурные традиции коренных малочисленных народов Дальнего Востока и их взаимодействие с другими народами [10].

К концу XIX в. процесс перемещения иностранцев по российско-китайским территориям строго регулировался. Российская империя и Цинская империя имели свои пограничные посты, символизирующие государственное присутствие каждой на Амуре. Российский и китайский «посты», зачастую представленные простыми бревенчатыми избами, крытыми соломой, находились на одном берегу Амура примерно в семидесяти милях друг от друга. При прохождении пограничного поста иностранцам необходимо было указывать основные сведения о себе: имя, звание, цель поездки [12, 216].

При въезде в Маньчжурию иностранных путешественников и их багаж обычно не досматривали, а также не требовали паспортов. Сложности возникали лишь с путниками из США, поскольку представителям китайско-маньчжурских властей трудно было понять, кто такие американцы и что они могут делать в Маньчжурии [12, 225]. Пэрри МакДонаф Коллинз, описывая личный опыт прохождения цинского пограничного поста, указывал, что разговор вёлся через переводчика. Диалог тщательно записывался на полосках бумаги несколькими китайско-маньчжурскими писцами. В ходе беседы китайцы могли предложить путешественникам сухофрукты, фрукты, угостить чаем в китайских чашках или рисовым вином. На китайских территориях иностранные путешественники часто сталкивались с проблемами, которые возникали по причине незнания ими законов, гражданских и религиозных норм, особенностей обычаев, форм и церемоний азиатских народов. Правила поведения, универсальные для стран Европы и западной части Российской империи, на территории Маньчжурии не действовали [12, 225].

Иностранные путешественники отмечали многонациональный состав Приамурья и Приморья. При этом межэтническое разнообразие не приводило к противопоставлению народов, не препятствовало совместному проживанию и ведению хозяйственной деятельности. Важной деталью повествования Гарри де Виндта было описание жизни русских и гольдов (нанайцев) на реке Уссури, избы которых на одном берегу соседствовали с маньчжурскими жилищами на другом [10, 197].

Компактность проживания способствовала взаимопроникновению культур разных народов. Культура коренных народов российского Дальнего Востока была тесным образом связана с китайской. Пэрри МакДонаф Коллинз замечал сходство мангунов (ульчей) с китайцами и указывал на использование мангунами китайских товаров (к примеру, трубки и шляпы Май-мат-чин) и качественной одежды в китайском стиле [12, 208].

При заметном влиянии китайской культуры местное население сохраняло и национальный уклад. Особым ритуалом почтения у коренных народов Амура было сцепление рук за спиной и наклон вперёд на правое колено так, чтобы лоб касался земли [12, 213].

Иностранцы подчёркивали радушие и гостеприимство коренных жителей юга Дальнего Востока. Гостей традиционно встречали курительными трубками, которые поручали набивать и раскуривать местным женщинам. В текстах путешественников отмечается особое пристрастие местных к курению, включая женщин и детей. После раскуривания трубки гостей приглашали для отдыха в дом. Зачастую дома были разделены на отдельные зоны (иностранцы называли их кварти-

рами). В одной из них (на кухне), помимо утвари, могли размещаться домашние животные: поросята, молодые телята, собаки, цыплята. Следующая квартира предназначалась для сна, приёма пищи, курения, приёма гостей. В центре комнаты располагался помост, поднятый примерно на два фута от первого этажа (примерно 60 см). В зависимости от времени суток помост выполнял функции стола и дивана. На диване расстилались различные виды циновок или ковров, а для каждого человека была предусмотрена небольшая круглая подушка. Эта зона дома обогревалась горячим воздухом из печи, подававшимся по деревянным трубам, которые заканчивались высоким деревянным дымоходом. В качестве угощения для иностранных гостей женщины предлагали рыбу, дроблёное зерно или просо, приготовленные в маленьких глиняных мисках [12, 236-237].

Иностранцы были внимательны и приветливы к хозяевам дома. Иногда они дарили местным детям русские серебряные монеты, которые те не особо ценили, а использовали в качестве украшений. Пэрри МакДонаф Коллинз стал свидетелем истории, когда англичане подарили маньчжурским девочкам небольшие подарки в виде монет. В ответ английский капитан получил от одной из девочек украшенное мелким жемчугом кольцо с выгравированными на нём маньчжурскими буквами. Это был неравный обмен, поскольку кольцо было «в полдюжины раз дороже монет». Американец отмечал, что русские казаки также вели с детьми меновой обмен. При этом медные монеты ценились почти «в четверть» дороже серебра [12, 232-233].

Для сохранения общественного и нравственного порядка к иностранным путешественникам в пути, как правило, приставлялись военные. Офицеры следили, чтобы со стороны местного населения, особенно женщин, не было навязчивого внимания к прибывшим гостям. Возможно, поэтому конфликтов, которые могли бы возникнуть из-за ревности со стороны местных мужчин, иностранцы не отмечали [12, 236-237].

Иностранцы обращали внимание на трудолюбие народов, проживавших в российско-китайском приграничье. Мангуны занимались продажей шкур и промыслом осетровой икры [12, 208]. Среди азиатского населения российского Дальнего Востока Генри Норман встретил грузчиков, продавцов, сторожей и прислугу [13, 608].

Русские и китайские торговцы активно использовали транспортные возможности рек Уссури, Сунгари и Амур. На больших плотках из дерева, покрытых циновкой из травы, китайцы и маньчжуры поставляли в Хабаровск и Благовещенск пшеницу и рис. По мнению Гарри де Виндта, русские колонисты, обеспеченные властями сельскохозяйственными орудиями, скотом и лошадьми, были значительно ленивее китайцев, осевших на территориях Приамурья и Приморья. В свою очередь, китайские переселенцы достигали высоких показателей в производстве сена и зерновых культур за счёт имевшейся плодородной почвы [10, 191]. К концу XIX в. хабаровские купцы уже имели в частном владении и эксплуатировали пароходы. Предприимчивые китайцы изыскивали возможности для приобретения пароходов у русских купцов. Однако подобные сделки не получали одобрения российских властей, опасавшихся усиления положения Цинов на реках и морях Дальнего Востока [10, 215]. Как метко подметил Перри МакДонаф Коллинз, «существовала своего рода совместная оккупация Амура» [12, 216], характер которой было трудно определить.

Не остались незамеченными иностранцами и конфликтные ситуации, в ходе которых противостоящие стороны стремились закрепить своё превосходство и силу. Перри МакДонаф Коллинз оказался свидетелем случая, когда трое мужчин, предположительно маньчжуров, попросили путешественников, состоящих из русских казаков и иностранцев, остановиться, а после их отказа подошли к носу лодки. Один из казаков ответил маньчжурам ударами шестом по головам и плечам, после чего последние отступили [12, 219].

В целом в текстах иностранных путешественников был представлен общий обзор совместной жизни русских и китайцев, фактически являвшихся одинаково пришлыми жителями территорий Приамурья и Приморья.

Наибольшее значение путевые заметки иностранцев имели для формирования объективного образа Маньчжурии в России и странах Европы, в общественном мнении которых к концу XIX в. уже стали заметны идеи европоцентризма, начали прослеживаться мысли об опасности «жёлтой угрозы» со стороны отсталого Китая. Опубликованные дорожные дневники позволяли

приблизиться к пониманию специфики жизни в приграничных землях России и Китая. Характеристика культуры разных народов, проживавших в Маньчжурии, свидетельствовала о наличии уникальной межкультурной коммуникации в российско-китайском приграничье. При этом ещё в конце XIX в. иностранцы, отметив заметное усиление «русской власти» на берегах Тихого океана, крепнувшее с помощью торговли, мореплавания, искусства и наук, признавали цивилизационную миссию России, полагая, что в ближайшей перспективе она станет «шестым континентом в цивилизации» [12, 216].

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Русский язык», Курсы, 1990. – 246 с.
2. Ларин, В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / В. Л. Ларин. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 284 с.
3. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII – XXI веках / А. В. Лукин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 598 с.
4. Морев, В. А. Сибирская телеграфная магистраль: к истории строительства (1860-1890-е гг.) / В. А. Морев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 203-209.
5. Петрунина, Ж. В. Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 8-18.
6. Петрунина, Ж. В. Жизнь китайцев на территории Приамурья в 1860-х годах (по материалам региональной периодической печати) / Ж. В. Петрунина, Ц. Чэнь, Д. Р. Абабков // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI (62). – С. 50-54.
7. Петрунина, Ж. В. К проблеме установления взаимодействия народов в период освоения Россией Приамурья (по материалам региональной печати 1860-х гг.) / Ж. В. Петрунина, Д. Р. Абабков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2023. – № 13. – С. 356-359.
8. Петрунина, Ж. В. К проблеме трансформации национальной идентичности русских на Северо-Востоке Китая / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина, Т. А. Чебанюк // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI (62). – С. 46-49.
9. Чжан, Ф. Русские и китайцы: к вопросу о формировании представлений друг о друге / Ф. Чжан, Ж. В. Петрунина // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы V Всерос. нац. науч. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 11-15 апреля 2022 года. В 4 ч. Ч. 4 / редкол.: А. В. Космынин (отв. ред.) [и др.]. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГУ», 2022. – С. 101-103.
10. De Windt, Harry. New Siberia. The new Siberia; being an account of a visit to the penal island of Sakhalin, and political prison and mines of the Trans-Baikal district, Eastern Siberia / H. De Windt. – London: Chapman and Hall, 1896. 348 p. – URL: <https://archive.org/details/newsiberiabeinga00dewiiala/newsiberiabeinga00dewiiala/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
11. Harry de Windt // Jay-Howard.com. – URL: https://www.jay-howard.com/pages/explorers/Harry_de_Windt.html (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
12. McDonough, Collins. Siberian journey down the Amur to the Pacific 1856 – 1857 // C. McDonough. – The University of Wisconsin Press. 1962. 395 p. – URL: <https://archive.org/details/siberianjourneyd000668mbp/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
13. Norman, H. The peoples and politics of the Far East: travels and studies in the British, French, Spanish and Portuguese colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaya / H. Norman. – New York: Scribner. 803 p. – URL: <https://archive.org/details/peoplesandpolit04normgoog/page/n12/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.